

УДК 903.5

В.И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1 И ПРОБЛЕМА ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕХОДНОГО ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЕНИ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Проводившиеся в течение пяти лет полевые исследования памятника Чича-1 – грандиозного поселенческого комплекса переходного от бронзы к железу времени, расположенного в центре Барабинской лесостепи (рис. 1), – позволили получить большую по объему уникальную научную информацию, которая в виде отчетного и аналитического материала была аккумулирована в ряде специальных статей и двух книгах (см., напр.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004])^{*}.

Вообще, работы даже на сравнительно незначительной площади памятника Чича-1, в ходе которых акцентировалось внимание на раскопках жилых и хозяйственных конструкций, а также оборонительных сооружений, были очень продуктивными: полученные данные по погребальному обряду в дальнейшем помогли реконструировать весьма сложное и нестандартное отношение обитателей городища к умершим. В южной части памятника, неподалеку от сооружения № 3, обнаружено захоронение взрослой женщины, погребенной на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на Ю (рис. 3). В неглубокой могиле находились три сосуда, а также голова человека. Важно отметить, что эти сосуды относятся к переходному от

бронзы к железу времени (см.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001]). Такая керамика ранее была выделена специалистами в особую 3-ю группу позднеирменской посуды [Молодин, Колонцов, 1984, с. 75]. Традиционными ирменскими чертами данного погребения являются небольшая глубина могильной ямы и ее южная ориентация [Молодин 1985]. Аналогична поза погребенной в Чиче-1 и захороненных в Барабинской лесостепи на могильнике Старый Сад переходного от бронзы к железу времени [Молодин, Нескоров, 1992], оставленном группой пришлого из Центрального Казахстана населения, которое позже смешалось с носителями автохтонной ирменской культуры, а также барабинского варианта сузунской культуры^{*} (керамика двух последних культурных традиций присутствует в керамическом комплексе Чичи-1) (см.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004]).

При раскопках жилых сооружений на разных участках городища было обнаружено десять захоронений младенцев, несомненно, ритуальных (по одному-два в жилище) (рис. 4). Могильные ямки небольшие и неглубокие. В трех из них умершие были погребены на правом боку в скорченном положении, головой на Ю, что находит параллели в погребальной практике ирменской культуры. Одного младенца поместили в могильную яму практически вниз головой. Еще два ребенка были положены в могилу в скорченном положении на левом боку, головой на С. По определению антропологов и генетиков, все погребенные – мальчики. Захоронения де-

^{*} Изучение началось с геофизического обследования территории германскими, а затем российскими специалистами. Его результаты, характеризующие как поселенческий комплекс, так и некрополь Чичи-1 [Becker, Fassbinder, 1999; Молодин, Парцингер, Беккер и др., 1999; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2000], стали основой для проведения целенаправленных раскопок [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 240–260] (рис. 2).

^{*} В указанных монографиях приведена исчерпывающая библиография.

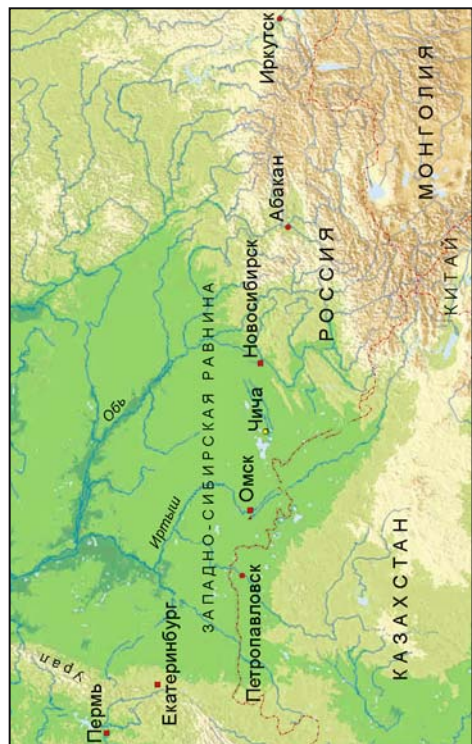

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Чича-1.

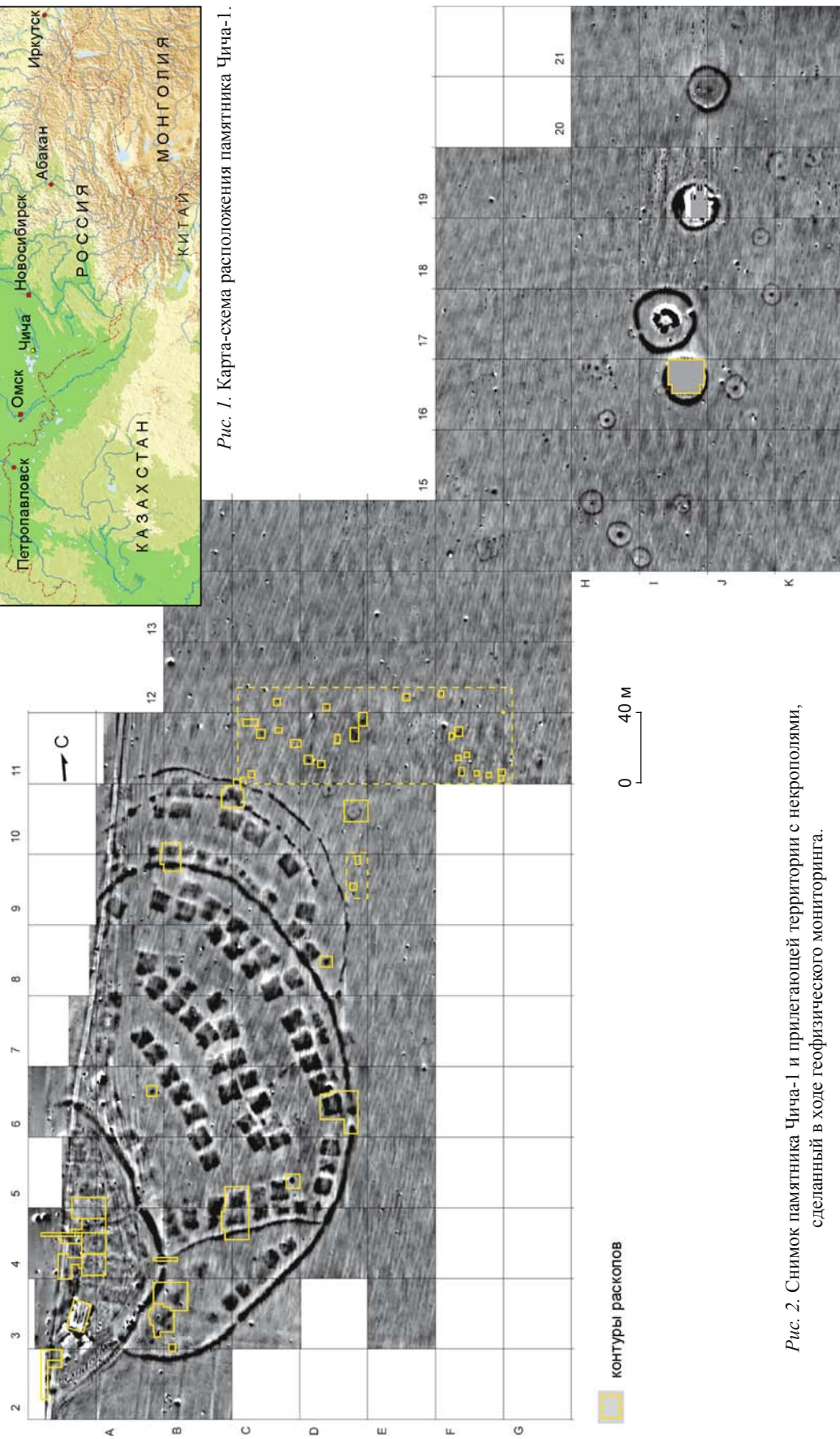

Рис. 2. Снимок памятника Чича-1 и прилегающей территории с некрополями, сделанный в ходе геофизического мониторинга.

Рис. 3. Погребение женщины на нижней площадке городища.

Рис. 5. Погребение с ирменскими чертами на некрополе памятника Чича-1.

Рис. 4. Погребение ребенка в жилище памятника Чича-1.

Рис. 6. Погребение с новационными особенностями обряда на некрополе памятника Чича-1.

монстрируют синкретизм погребальной практики [Молодин, Новикова, Парцингер и др., 2003, с. 312–316]. В одном жилище зафиксировано вторичное захоронение подростка с сопроводительным инвентарем в виде бронзового колечка-пронизки [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 286].

Таким образом, все находки свидетельствуют о том, что у обитателей были весьма сложные и мно-

гогранные представления, связанные с погребальным обрядом. Необходимость погребения умерших сородичей не на особо отведенном для этого месте, а на жилой площади поселения, более того, в пределах жилого дома, очевидно, диктовалась какими-то причинами. Их выяснению посвящено довольно много исследований. Интерпретации этого феномена для данного региона мы также касались в ряде ра-

бот (см.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 240; Молодин, Новикова, Парцингер и др., 2003, с. 312–316; Новикова, Шнеевайс, 2002; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 285–287]).

Следует отметить многочисленность таких захоронений на археологически изученной части Чичи-1, даже по сравнению с памятниками на территориях Южной Европы, Месопотамии, Анатолии и Средней Азии, где такая погребальная традиция представлена очень широко (см., напр.: [Мишина, 2005, с. 27]). Если же рассчитать их возможное количество на всем памятнике, то цифра может быть чрезвычайно большой.

Основной массив захоронений расположен на некрополе, частично исследованном нашей экспедицией [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 240–260]. Геофизический мониторинг пространства, примыкающего к городищу с северной, восточной и отчасти южной сторон, выявил наличие аномалий, значительная часть которых оказалась связанной с погребальными комплексами (см. рис. 2). По-видимому, многие из этих комплексов (не исключено, что все) первоначально имели надмогильные сооружения, которые были уничтожены в ходе многолетней распашки. Такое предположение позволяют сделать очертания городища, рельефные признаки восточной части которого исчезли. Как показала геофизическая съемка, некоторые могилы были оконтурены округлыми и подпрямоугольными ровиками (см. рис. 2).

Геофизиками были зафиксированы погребальные комплексы, которые не относятся к переходному от бронзы к железу времени. Один такой объект был исследован (см.: [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 134–139]). Примерно в 200 м к СВ от городища расположены курганы памятника Здвинск-1 (см. рис. 2). Территория могильника также подверглась многолетней распашке. Ряд небольших конструкций оказался полностью уничтоженным. Пострадали также более крупные насыпи и их полы; зачастую судить о первоначальных размерах курганов трудно. В настоящее время истинные размеры этих сооружений можно определить, ориентируясь на имеющиеся магнитогаммы, на которых отлично читаются ровики, оконтуривающие земляную конструкцию (см. рис. 2).

Как установлено благодаря геофизическому мониторингу, пространство между берегом оз. Чича, северной оконечностью городища Чича-1 и курганной группой памятника Здвинск-1 занимал некрополь. На его значительной части проведение археологических работ было невозможно из-за посевов пшеницы, но на западной оконечности нам удалось исследовать несколько захоронений. Ориентируясь исключительно на магнитогамму, точно закладывая раскопы в местах аномалий, специалисты исследовали десять погребальных комплексов, несомненно относящихся к рассматриваемому городищу [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др.,

2004, с. 240–261] (рис. 5). Все они представляют собой одиночные захоронения; часть из них совершена в соответствии с классической ирменской традицией. Умершие были погребены в неглубоких могильных ямах на боку в скорченном положении, головой на Ю. Находившийся в них погребальный инвентарь – керамика и бронзовые украшения – также традиционно ирменский (см.: [Там же]). В этой же части некрополя обнаружены погребения, указывающие на изменения в обряде (например, округлые могильные ямы). Зафиксированы следы вторичных захоронений (рис. 6). Отмечается отход от классических форм ирменского погребального инвентаря (появляются оригинальная керамика и бронзовые предметы). Если даже предположить, что над этими захоронениями были курганные насыпи, сопровождавший их погребальный обряд несомненно отличался от классического ирменского.

Магнитогамма позволяет предположить, что, по крайней мере, в этой части некрополя таких, как вышеописанные (или подобные им), захоронений было несколько десятков (см. рис. 2). Не исключено, что могильник занимает территорию, которая не подвергалась геофизическому мониторингу. Как уже указывалось, охарактеризованные выше, назовем их условно грунтовыми, погребальными комплексами вплотную соприкасаются с курганами могильника Здвинск-1 (см. рис. 2).

Уже приходилось писать о том, что проведенный анализ показал неоднородность керамического комплекса памятника Чича-1. Вместе с тем имеются несомненные свидетельства эпохального единства всех его составляющих (см.: [Там же, с. 266–275; Молодин, Мыльникова, 2004, с. 101–106]).

Как было установлено в ходе исследования, самый древний участок памятника связан с наиболее укрепленной “цитаделью” и датируется концом эпохи бронзы – началом раннего железа, вероятно, IX в. до н.э., когда в регионе существовала ирменская культура [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 264–266]. Сама же “цитадель” принадлежит к переходному от бронзы к железу времени, которое в полном объеме представлено характерными типами посуды, из чего собственно и состоит керамический комплекс позднеирменской культуры переходного времени. Его типология была разработана еще в начале 80-х гг. прошлого века [Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, 1985]. Именно с этой частью памятника несомненно связан прилегающий к городищу грунтовый могильник, о котором речь шла выше.

В итоговой монографии, посвященной бронзовому веку Барабинской лесостепи, мне уже приходилось отмечать, что на городище Чича-1 в ходе первых раскопок была обнаружена посуда не характерного для других позднеирменских памятников типа, – крупные, слабопрофилированные банки и горшки

весьма специфической формы со скромной орнаментацией венчика [Молодин, 1985, с. 163]. Позднее анализировавшая керамический комплекс памятника Н.Л. Членова обратила внимание на в целом бедную орнаментацию керамического комплекса, что, по ее мнению, свидетельствует о «тенденции к развитию керамики Чичи-1 в “степном” направлении» [1994, с. 86–87]. Отмеченный керамический комплекс несомненно доминирует среди находок на памятнике в целом. Исключение составляют материалы из “цитадели”. Впрочем, там он тоже присутствует, однако, значительно уступая в количественном отношении классическому позднеирменскому. Таким образом, можно говорить о бытовании на изолированных участках одного памятника двух различных керамических комплексов. При том обе части поселения несомненно функционировали какое-то время одновременно, о чем свидетельствуют датирующие бронзовые предметы, а также серия радиоуглеродных дат (см.: [Molodin et al., 2002]). Возможно, такие черты комплекса являются результатом сосуществования в рамках фратриальной организации двух различных в основе этнокультурных популяций, связанных между собой культурно-хозяйственными и, вероятно, кровно-родственными отношениями.

Яркий аналог подобной общественной модели отмечен на памятнике Карагай Аул-1 в Зауралье, синхронном Чиче-1. Планиграфия данного памятника демонстрирует сочетание двух укрепленных площадок круглой конфигурации, вплотную примыкающих друг к другу [Зими́на, 2004]. На обеих исследовано по одному, явно синхронному, сооружению наземного типа. В них обнаружено два различных керамических комплекса [Зими́на, 2003]. Исследовавшие памятник В.А. Зах и О.Ю. Зими́на констатируют, что посуда с “овальной”, по их терминологии, городища наиболее близка к посуде гамаюнской культуры, а посуда с “округлой” площадки тяготеет к бархатовской керамике. Кроме того, на обоих городищах найдены сосуды, “сочетающие признаки этих культур” [2005, с. 117]. В Притоболье аналогичная организация жизненного пространства зафиксирована на других укрепленных поселениях – Вак-Кур-2, Кыргыш-1,-2 и др., что объясняется, по мнению специалистов, дуальной организацией общества [Там же, с. 117–118].

Получается, что в переходное от бронзы к железу время такая дуальная организация общества была характерна для лесостепного пространства Западной Сибири. Она представлена на Чиче-1, упомянутых комплексах в Притоболье, памятниках красноозерской культуры Инберень-5–7 на Иртыше (хотя анализ инберенских комплексов в предлагаемом аспекте еще не проводился) [Абрамова, Стефанов, 1985, рис. 1].

Отмеченная организация общества сформировалась под влиянием мощных миграционных потоков, двигав-

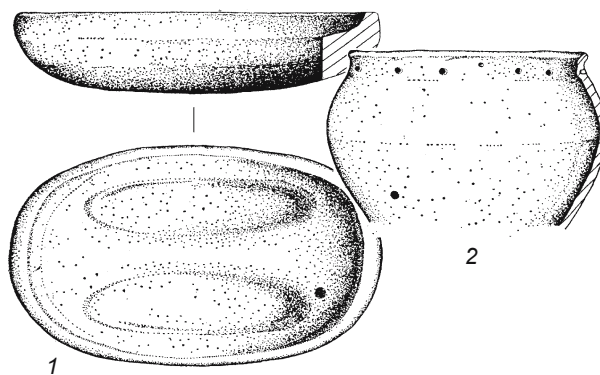

Рис. 7. Блюдо-алтарик (1) и сосуд (2) из погребения могильника Здвинск-1 (по: [Полосьмак, 1987]).

шихся в широтном и меридиональном направлениях. Синтез разных компонентов особенно четко проявился в контактной зоне лесостепей (по-видимому, в силу экстремальной климатической ситуации), прежде всего в таежной зоне Западной Сибири в IX–VII вв. до н.э.

Данную концепцию подтверждают, на мой взгляд, материалы не только поселенческих, но и погребальных комплексов. Ярким свидетельством является поселенческо-погребальный комплекс Чича-1 и могильник Здвинск-1, составляющий, как выяснилось, по сути единый памятник. Чтобы доказать справедливость этого предположения, обратимся к результатам анализа материалов раскопок кург. № 1 памятника Здвинск-1, проведенного Н.В. Полосьмак в 1981 г. [1987, с. 52–54]. Исследовательница раскопала один из пяти рельефновыраженных конструкций, диаметр каждой из которых на поверхности составлял 14 м, высота – 22 см. Сегодня, располагая магнитограммой, мы видим, что конструкция была исследована не полностью. За пределами раскопа остался ровик, наличие которого было трудно прогнозировать из-за сильной разрушенности земляного сооружения. При разборке насыпи Н.В. Полосьмак было выявлено оранжевое кольцо прокаленной глины мощностью до 50 см. Оно окружало центральную погребальную камеру и сформировалось, очевидно, во время горения деревянной конструкции, окружавшей могилу. Сама камера была полностью разграблена, но рядом с ней обнаружено парное захоронение женщины и ребенка, представленное сильно обгоревшими костями, свидетельствующими о синхронности всего погребального комплекса. Женщина была положена на правый бок в скорченном положении, головой на ЮЗ. Сопроводительный инвентарь включал каменное блюдо-алтарик, сосуд (рис. 7) и ребра коровы. Кроме того, в северо-восточной части насыпи обнаружены захоронения еще пяти взрослых человек. Все люди были погребены на спине в вытянутом положении, двое головами на СЗ, еще двое – на З и один – на

СВ. По мнению Н.В. Полосьмак, все захоронения составляют единый комплекс, сопровождающий центральное (полностью разграбленное) погребение, в насыпи которого встречены лишь разрозненные кости [Там же, с. 54]. Исследовательница на основании сосуда отнесла данный памятник к большереченской культуре и датировала его V–IV вв. до н.э. [Там же, с. 53, табл. IX]. Несомненно верно был определен западный вектор параллелей этому памятнику [Там же, с. 54]. Что же касается культурной принадлежности и даты, то они вызывают возражение. Погребальный обряд носителей большереченской культуры достаточно обстоятельно исследован и охарактеризован в ряде монографий. Его отличие от обряда, запечатлившегося в исследованном кургане Здвинск-1, очевидно. Курганы как бийского, так и березовского этапов культуры не имеют деревянных сооружений в надмогильной конструкции. Могильные ямы достаточно большие по глубине, с бревенчатыми перекрытиями; под одной насыпью – от одной до нескольких ям (с учетом центральной). Умершие погребены на спине в вытянутом положении или с согнутыми в коленях ногами; березовскому этапу соответствуют захоронения со слабо скорченными скелетами, очень глубокие могильные ямы и ямы с подбоем [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 24–29]. Все вышесказанное относится и к памятникам каменной культуры [Могильников, 1997; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005], которая по своей сути, на мой взгляд, ничем не отличается от культурного образования, выделенного в Верхнем Приобье М.П. Грязновым [1956] и получившего название “большереченская культура”. Впрочем, к теме настоящей работы эта проблема не имеет прямого отношения. Она дискуссионна и нуждается в особом обсуждении.

Абсолютно тождественны по погребальному обряду курган Здвинск-1 и памятники VIII–V вв. до н.э. в Северном Казахстане (могильники Берлик, кург. № 1; Кенес, кург. № 1, 11). В центре каждого присутствует деревянная надмогильная конструкция со следами горения, по периметру их окружает кольцевой ровик, в центре конструкции имеется неглубокая могильная яма. Все это перекрыто земляным сооружением (курганом) [Хабдулина, 1987 с. 6–13]. Умершие погребены как в могильных ямах, так и на уровне погребенной почвы на спине в вытянутом положении и в скорченном положении на боку (15 %). Два из последних (Явленка, кург. № 1; Разуевка, кург. № 1) похоронены, как в здвинском кургане, – на дневной поверхности [Там же, с. 11]. Совпадают и вектор ориентации погребенных, и основной набор погребального инвентаря: “каменные жертвенники особой клювовидной формы и сосуды” [Там же; 1994, табл. 58].

Таким образом, погребальный комплекс Здвинск-1 аналогичен североказахстанским памятникам (и в тех, и других незначительные по глубине могильные ямы,

захоронения на уровне погребенной почвы, скорченное положение умерших [Хабдулина, 1987, с. 19]) и не имеет ничего общего с восточными, верхнеобскими.

По всем основным признакам комплекс Здвинск-1 относится к самому началу перехода от эпохи бронзы к железу, т.е. к VIII–VII вв. до н.э. Эти признаки характерны и для памятников позднебронзового времени на территории Северного Казахстана. Сближает также комплекс сочетание элементов уходящей позднебронзовой традиции и новационных черт эпохи раннего железного века (деревянные конструкции, каменные блюда-алтарики). Очень важно, что сосуд из погребения памятника Здвинск-1 аналогичен отдельным образцам из памятника Чича-1 [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, рис. 4, 1; 5, 4; 10, 1; 12, 3, 4; 40, 3, 4, 6; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, рис. 16, 1; 91, 4; 163, 8; 218, 2; 298, 2; 313, 6; 314, 1; 319, 1; 333, 7]. Кроме того, прослеживается сходство между комплексом керамики из Чичи-1, доминирующим на периферийной части, и посудой переходного этапа от бронзового к железному веку из могильников в Северном Казахстане Берлик и Новоникольское [Хабдулина, 1987, рис. 4; 1994], а также с поселений Кустанайского Притоболья (например, Загаринское поселение) [Евдокимов, 1987, рис. 4, 4, 6, 7, 15, 16]. Определенные параллели этой группе посуды можно видеть и на памятниках переходного от бронзы к железу времени в Центральном Казахстане (поселение Донгал [Ломан, 1987, рис. 4; 5, 1], могильники Актопрак, Темуртаусский, Красные Горы [Ткачев, 2002, рис. 191, 11, 16, 20; 192, 4; 195, 17, 18]).

Таким образом, можно считать доказанной принадлежность кургана Здвинск-1 к переходному от бронзы к железу времени (VIII–VII вв. до н.э.) и к поселенческо-погребальному комплексу Чича-1. Иными словами, могильник Здвинск-1 является продолжением выше охарактеризованного некрополя. Очевидно сосуществование двух культурных традиций, представленных как на городище, так и на могильнике. Его проявление на могильнике имеет особое значение, поскольку противоречит сложившимся представлениям о четком разграничении у древнего “собственного” и “пришлового” культового пространства [Смирнова, 2005, с. 14].

Таким образом на сегодняшний день памятник Чича-1 представляет собой уникальный комплекс, сочетающий в себе сложную поселенческо-погребальную структуру, изучение (и сохранение) которого несомненно обогатит историческую науку уникальной научной информацией.

Список литературы

Абрамова МБ., Стефанов В.И. Краснозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–129.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопам близ с. Большая речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 161. – (МИА; № 48).

Евдокимов В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Караганд. гос. ун-та, 1987. – С. 68–78.

Зах В.А., Зими́на О.Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 112–119.

Зими́на О.Ю. Керамические комплексы городища Карагай-Аул-1 в Нижнем Притоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Мат-лы итог. науч. сессии Учен. совета ИПОС СО РАН 2002 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 49–53.

Зими́на О.Ю. Исследование городища Карагай-Аул-1 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии, этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 4. – С. 38–50.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Караганд. гос. ун-та, 1987. – С. 115–129.

Мишина Т.Н. Социальный аспект изучения интромуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы Телля Юнаците, Балканы) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 27.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Изд-во Пушин. науч. центра РАН, 1997. – С. 195.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 69–86.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Керамика городища Чича-1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею проф. Е.И. Соловьевой): Мат-лы регион. науч.-практич. конф. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 101–106.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. 1990. – М.: Изд-во Ин-та археологии АН Казахстана, 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

Молодин В.И., Новикова О.И., Парцингер Г., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 312–316.

Молодин В.И., Парцингер Г., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Наглер А., Нифф Р., Новикова О.И., Манштейн А.К., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Ефремова Н.С. Археолого-геофизические исследования Российско-германской экспедиции в Барабинской лесосте-

пи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 454–461.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 240 с. – (Мат-лы по археологии Сибири, вып. 1).

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенекс Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 333 с. – (Мат-лы по археологии Сибири, вып. 4).

Новикова О.И., Шнеевайс Й. К проблеме типологии и интерпретации жертвенных комплексов в поселенческом контексте (по материалам памятников бронзового и раннежелезного века Западной Сибири) // Северный археологический конгресс: Тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 198–200.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Смирнова М.Е. Территория могильников как культовое пространство // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 2005. – С. 14.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Изд-во Нефтегаз. гос. ун-та, 2002. – Ч. 2. – 242 с.

Троицкая Т.Н., Бордовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 181 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга Н.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.

Хабдулина М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1987. – С. 3–25.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым; Ракурс, 1994. – 170 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пушин. науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

Becker H., Fassbinder J.W.F. Magnetometry of a Scythian Settlement in Siberia near Čičah in the Baraba Steppe 1999 // Archaeological Prospection. – München: Karl M. Lipp Verlag, 1999. – S. 168–172.

Molodin V.I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkusa J.N., Grišin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Marčenko Z.V., Čemjākina M.A., Mylnikova L.N., Becker H., Fassbinder J. Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe Vorbericht der Kampagnen 1999–2001 // Eurasia Antiqua. – 2002. – Bd. 8. – S. 185–236.